

чем в последующие два столетия. Это и понятно: родовой строй сдерживает развитие такого рода демократических институтов. Как уже отмечалось, на смену горизонтальной структуре приходит иерархическая во главе с князьями. Вот почему князья эпохи вождества — величины более значительные, чем князья последующего времени. Они воспеты не только письменными памятниками, но и устными — красочными древнерусскими старинами (былинами).

На смену выборной княжеской власти, как это было у антов и склавен, приходит власть княжеского рода. «И по сих братья держати почаша род их княженье в полях...» К сожалению, мы крайне мало знаем об этих древних княжеских родах. Нам неизвестны имена князей, кроме древлянского Мала, Рогволода, который княжил в Полоцке и Тура, сидевшего в Турове. Попытка привлечь Иоакимовскую летопись вызывает справедливые возражения, и Гостомысл с Вадимом по-прежнему остаются легендарными, а не реальными персонажами. Но можно предположить, что уже в это время и даже несколько раньше появился символ — знак княжеской власти — деревянный посох, что было характерно для «среднеразвитых» вождеств.

О Рюриковичах знаем уже гораздо больше. Перед их появлением, судя по всему, возникли два солидных вождества, которые по терминологии Р. Карнейро можно определить как компаундные: одно — на севере, другое — на юге — «Русская земля». Рюриковичи — типичный для эпохи вождества конический клан.

При таких обстоятельствах до сих пор бытующее в историографии представление о древнерусском князе как о монархе — всего лишь миф. Вождь — это совсем другой облик, полномочия, способ получения и удержания власти, чем «государь всея Руси» или царь XVI–XVII веков. Таким же мифом является представление о создании некоего государства в это время. Северное вождество захватило южное и стало распространять свою власть на окрестные племена в виде архаической даннической зависимости. Со времён Н. А. Полевого историки обращают внимание на отсутствие сколько-нибудь единой и компактной «государственной территории» в это время. Действительно, мы не видим чётко очерченных границ государственной территории, системы их фиксации.

В конце X — начале XI века родовые отношения начинают перестраиваться в территориальные. Та древняя «перестройка» сопровождается драматическими коллизиями: уничтожением родовой знати, «переносом» городов, усилением конфликтов в обществе. На смену родовым вождествам идут территориальные структуры — города-

государства (градообщины). Что же они из себя представляли?

Это были общинные организмы. Ядро города-государства XI–XII столетий составлял старейший город — прежнее средоточие союза племён или крупного племени. Старейшим городам подчинялись пригороды, зависимое положение которых отражено в самом названии «пригород». Вполне вероятно, что зависимость пригородов от старших городов была следствием колонизации, освоения периферийных земель из старшего города, который выступал как своего рода метрополия. Город и волость находились в единстве друг с другом, составляя одно территориальное целое. Отсюда понятны названия «Киевская волость», «Черниговская волость», «Смоленская волость» и тому подобные. Эти волости — города-государства — имели свои государственные границы: «сумежья», «межи», «рубежи», часто упоминаемые летописью. Город был тесно связан с волостью в экономическом, военно-политическом, культурном и религиозном отношениях.

Костяк военной мощи каждой городской волости составляла не дружина, а «вои» — волостное ополчение, в которое входили свободные граждане главного города, пригородов и сельской местности. Свободное население было поголовно вооружено и в совокупности составляло «тысячу», в свою очередь состоявшую из сотен — более мелких территориально-административных образований и вместе с тем военных единиц.

Основным органом управления старейшей городской общины было вече — народное собрание всех свободных жителей города. Решению веча главной городской общины должны были подчиняться жители пригородов. «Новгородцы бо изначала и Смоляне и Кияне и Полочане и вся власти яко на думу на веча сходятся. На что же старейшие сдумают на том же пригороди стануть». На вече в главном городе сходился и сельский люд из окрестных мест. Прибывали сюда и делегаты из пригородов. Полномочия веча были очень широкими, собиравшееся на вече «людье» решало самые разнообразные вопросы.

Вообще, и на вече, и вне его древнерусские люди, то есть демократическая масса городского и сельского населения, составляли действенную политическую силу. Народ в Древней Руси принимал активное участие как в приглашении князей на княжение, так и в смещении их со «стола».

Следует, однако, иметь в виду, что князь и община в этот период отнюдь не были антагонистами. Князь был необходимым элементом социально-политической структуры древнерусских городов-государств. Вот почему летописцы так тщательно и с такой тревогой фиксировали все периоды бескняжия.

Князья, стремясь установить более тесный контакт с городской общиной, широко практиковали устройство пиров и дарений, что способствовало росту их популярности. Древнерусский князь, являясь одним из важнейших звеньев волостной администрации, жил в главном городе земли. Князь XI–XII столетий сохранил многое в своём социально-политическом портрете от предшествующего времени. Он прежде всего военный предводитель, на нём лежит обязанность сохранять внутренний наряд, творить суд. Иными словами — это повседневная общинная власть. Если всё хорошо, то община и не вмешивается в дела правления: всё идёт по накатанной колее. Но если княжеская власть даёт сбой, тут «люди» могут вмешаться в любую сферу политической жизни или вообще изгнать нелюбого князя.

Каковы отношения между князьями? Мне представляется, что ближе всех к пониманию этого феномена подошёл А. Е. Пресняков, который писал о княжеской «задруге». Значит, княжеская община взаимодействует с земскими общинами, составляя единый общинный мир.

В своих ратных делах он опирался на дружину, верхний слой которой составляли бояре. Бояре, служилые люди при князе, занимали одновременно важные посты в администрации городской общины, получая в кормление волости. Такое совпадение управления и имущественного обеспечения составляло особенность Древней Руси и таило в себе возможность всякого рода злоупотреблений со стороны власть предержащих. Но произойдёт это уже за пределами киевского периода нашей истории, так как в это время деятельность кормленщиков оказывалась под прицелом со стороны князя, а главное, со стороны волостной общины, которая всегда могла найти силы обуздать зарвавшегося коррупционера.

Впрочем, бояре и дружина — это лишь часть «служебной организации», которая сформировалась вокруг князя и находилась в сфере его права. Правда, в условиях социально-политической активности населения в Киевской Руси «служебная система» не получила развития. Она выдвинется на передний план в «монгольско-литовский период» (XIII–XV века).

Христианская церковь, заменив языческих жрецов, нашла себе место в этом социальном организме. Вполне соответствовали демократическому духу политической жизни Киевской Руси соборы — собрания священников городских церквей — и клиросы — коллективные органы управления при соборах, включавшие в себя горожан. Городские общины часто распоряжались земельной собственностью соборных церквей, считая их общинным земельным фондом. Церковь контролировалась город-